

Научная статья

УДК 37.015.3, 37.017.4, 316.6

<https://doi.org/10.24888/2073-8439-2024-66-2-50-59>

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.В. Шарапов¹, Р.В. Сидорякин²

^{1,2} Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

¹ sharapov61@mail.ru

² sidoryakinrv@gmail.com

Резюме. В научной статье уточняются понятия этнической, региональной и макрорегиональной идентичности. Обосновывается возможность и целесообразность их различения и разграничения в качестве самостоятельных типов социальной идентичности личности. Обсуждается вопрос соотношения и взаимосвязи этнической идентичности с региональной и макрорегиональной, возможность их иерархического рассмотрения. Этническая, региональная и макрорегиональная идентичность в рамках статьи определяются как социальнопсихологические категории. Этническая идентичность трактуется как динамичное и многомерное образование, которое характеризует ощущение (имплицитный компонент) и осознание (эксплицитный компонент) человеком себя в качестве члена определенной этнической группы/общности. Региональная идентичность рассматривается как динамичное и многомерное образование, которое характеризует ощущение (имплицитный компонент) и осознание (эксплицитный компонент) человеком себя в качестве жителя определенного региона. Макрорегиональная идентичность трактуется как динамичное и многомерное образование, которое характеризует ощущение (имплицитный компонент) и осознание (эксплицитный компонент) человеком себя в качестве представителя определенного макрорегионального объединения территорий. Устанавливается тесная взаимосвязь между понятиями, их непротиворечивость и взаимодополняемость, а также невозможность их однозначного иерархического рассмотрения ввиду индивидуальных критериев значимости каждого из типов идентичности, зависящих от структуры Я-концепции и системы ценностей человека. С привлечением исторического и социокультурного контекста обосновывается возможность и целесообразность изучения макрорегиональной идентичности для лиц, проживающих на территории Среднего Поволжья, включающего Ульяновскую, Самарскую, Саратовскую области, а также Республики Татарстан и Чувашия. Намечаются перспективы исследований этнической, региональной и макрорегиональной идентичности для воспитания межэтнической толерантности в поликультурном макрорегионе.

Ключевые слова: этническая идентичность, региональная идентичность, макрорегиональная идентичность, социальная идентичность, этнос, регион, макрорегион, Среднее Поволжье, поликультурное пространство

Для цитирования

Шарапов В.В., Сидорякин Р.В. К вопросу о соотношении этнической, региональной и макрорегиональной идентичности в поликультурном пространстве // Психология образования в поликультурном пространстве. 2024. № 2 (66). С. 50–59. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2024-66-2-50-59>

© Шарапов В.В., Сидорякин Р.В., 2024

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN ETHNIC, REGIONAL AND MACRO-REGIONAL IDENTITY IN A MULTICULTURAL SPACE

Vyacheslav V. Sharapov¹, Roman V. Sidoryakin²

^{1,2} Samara State Social Pedagogical University, Moscow, Russia

¹ sharapov61@mail.ru

² sidoryakinrv@gmail.com

Abstract. *The scientific article clarifies the concepts of ethnic, regional and macro-regional identity. The article substantiates the possibility and expediency of their distinction and delimitation as independent types of social identity of a person. The question of correlation and interrelation of ethnic identity with regional and macro-regional identity, the possibility of their hierarchical consideration is discussed. Ethnic, regional and macro-regional identity is considered as socio-psychological categories within the framework of the article. Ethnic identity is interpreted as a dynamic and multidimensional formation, which characterizes the feeling (implicit component) and awareness (explicit component) of a person as a member of a certain ethnic group/community. Regional identity is considered as a dynamic and multidimensional formation that characterizes the feeling (implicit component) and awareness (explicit component) of a person as a resident of a certain region. Macro-regional identity is considered as a dynamic and multidimensional formation, which characterizes the feeling (implicit component) and awareness (explicit component) of a person as a representative of a certain macro-regional association of territories. The close interrelation between the concepts, their consistency and complementarity, as well as the impossibility of their unambiguous hierarchical consideration due to individual criteria of importance of each type of identity, depending on the structure of self-concept and the system of values of a person are established. Using the historical and socio-cultural context, we substantiate the possibility and expediency of studying macro-regional identity for people living in the Middle Volga region, including the Ulyanovsk, Samara, Saratov regions, as well as the Republics of Tatarstan and Chuvashia. Prospects for research on ethnic, regional and macro-regional identity for the education of interethnic tolerance in a multicultural macro-region are outlined.*

Keywords: *ethnic identity, regional identity, macro-regional identity, social identity, ethnos, region, macro-region, Middle Volga region, multicultural space*

For citation

Sharapov, V. V., & Sidoryakin, R. V. (2024). On the relationship between ethnic, regional and macro-regional identity in a multicultural space. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve*, (2), 50–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2024-66-2-50-59>

Развитие патриотизма и поддержание позитивных чувств к Родине являются сложными задачами, решить которые можно только с задействованием целой системы смыслов и социально-психологических процессов. Патриот страны – это в первую очередь человек, который знает и ценит свои этнические корни, любит свой город/село и гордится своим местом жительства, стремясь внести вклад в его развитие, а также это человек, который мыслит себя вне контекста административных границ, соотнося свое развитие с масштабными географическими и историческими событиями.

Процесс самоидентификации человека всегда имеет социальную природу. Человек воспринимает себя через соотнесение с другими людьми, через принадлежность к

определенным группам и общностям и непринадлежность к иным социальным объединениям, от которых он себя в своей системе представлений отделяет. Если спросить человека, кто он такой, он в первую очередь начнет с характеристики себя через принадлежность к группам или ролям. Способность описывать и представлять себя в системе социальных связей человек обретает в процессе социальной идентификации. Все другие, более узкие виды социальной идентичности восходят к результатам процесса социальной самоидентификации, который является сложным социально-психологически детерминированным процессом.

Поэтому изучение этнической, региональной и макроэтнической идентичности более чем важно, должно опираться на представления о социальной идентичности как социально-психологической категории. С одной стороны, социальные процессы влияют на результат самоидентификации, с другой стороны, нельзя недооценивать психологическую составляющую – особенности личности, восприятия, поведения конкретного индивида.

К понятию социальной идентичности вплотную приближался в своих исследованиях К. Lewin (Lewin, 1948). В рамках «теории поля», которая предполагает, что люди представляют собой сумму всех влияющих на них факторов и окружений, он признавал, что обычно легче изменить людей, объединенных в группу, чем изменить любого из них по отдельности. Психологическое поле представлено суммой всех сил и влияний, которые могут воздействовать на поведение человека, включая ситуативные, культурные и социальные элементы. В определенном социально-культурном контексте легче понять поведение индивидуума и легче им управлять.

Впоследствии фундаментально данным вопросом занялись Н. Tajfel и J. Turner в 1970-х гг. в контексте исследования внутригрупповых конфликтов (Social identity ..., 1982; Tajfel, Turner, 1979). Они предположили, что социальные группы (например, определенный социальный класс, семья, команда, коллектив и т.д.), частью которых признают себя люди, являются важными источниками гордости и самоуважения. В частности, принадлежность к социальным группам вне зависимости от их типа дает человеку ощущения:

- принадлежности (принадлежность к группе может вызывать чувство связи и единства, давая людям успокоительное ощущение того, что они не одиноки в своих переживаниях и взглядах);
- целеустремленности (принадлежность к группе часто сопровождается общими целями или миссиями, которые могут дать направление и цель отдельным членам группы);
- самооценки (принадлежность к группе может повысить самооценку, поскольку люди гордятся достижениями группы и позитивным имиджем группы);
- идентичности (группы дают возможность понять себя в контексте более крупного сообщества. Они могут помочь определить, кто вы есть на основе общих качеств, ценностей или целей).

Очевидно, что принадлежность к социальным группам и принятие индивида членами этих групп исключительно важны для психологического благополучия человека. На основе сопоставления и соотнесения себя с членами своей группы и противопоставления членам других групп человек лучше понимает и позитивнее принимает себя. Неспособность же быть членом какой-либо социальной общности может быть мощным источником неудовлетворенности собой, психологического дискомфорта, амбивалентных и размытых представлений о себе как о личности. Выводы, сделанные Н. Tajfel и J. Turner, позволяют обосновать необходимость рассмотрения социальной идентичности как социально-психологического феномена. Соответственно, частные

разновидности социальной идентичности также имеют социально-психологическую природу.

Понятие этнической идентичности как социально-психологической категории определено нами в ранее опубликованной статье Р.В. Сидорякина как динамически формируемое многомерное образование, включающее имплицитный и эксплицитный компоненты (Сидорякин, 2022). Имплицитный компонент этнической идентичности представлен ощущением человека себя частью этнической группы, представителем определенного этноса, которое может быть неосознаваемым. Эксплицитный компонент предполагает осознание себя человеком в качестве представителя «своего» этноса (того этноса, который он считает «своим»). Конечно, этническая идентичность во многом предопределяется генетически, по рождению. Однако о сложности данного понятия говорят случаи амбивалентной этнической идентичности, когда человек, например, осознает себя представителем этноса, однако не чувствует своей принадлежности к нему или имеет негативное самоощущение. Также нередко в современном обществе встречаются случаи размытой этнической идентичности, когда человек растет в глобальном контексте или просто не задумывается о своем этническом происхождении. Кроме того, частым случаем добровольного выбора этнической принадлежности и произвольного формирования этнической идентичности является случай происхождения из биэтнической семьи (Галкина, 1993; Мальтинникова, 2005).

Актуальность выделения этнической идентичности в качестве самостоятельного вида социальной идентичности не вызывает сомнений. Этническая идентичность рассматривается как составная часть социальной идентичности личности, как категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности, во многом предопределяемая генетическим фактором, т.е. по рождению, и предполагающая определенные внешние проявления: язык, особенности внешности, религия и др. Однако выделение в качестве самостоятельных категорий и образований таких типов социальной идентичности, как региональная и макрорегиональная, вызывает некоторые вопросы у исследователей. Высказываются опасения по поводу чрезмерного дробления видов социальной идентичности, смешения понятий, а также категоричная точка зрения о возможности выделения только одного типа идентичности – национальной, тогда как все остальное является лишь уровнями ее формирования (Русских, 2013).

Однако выделение и рассмотрение региональной и макрорегиональной идентичности, на наш взгляд, является оправданным и теоретически обоснованным. Данные понятия лаконично интегрируются в структуру социальной идентичности современного человека, проживающего в полиэтничном и поликультурном пространстве.

Относительно региональной идентичности в исследованиях отмечается, что в ее ценностное содержание входит образ «малой» Родины, который и выступает стимулом выбора индивидом территории для реализации личностного потенциала (Цветкова, 2020). Формирование региональной идентичности – это в большей степени произвольный процесс по сравнению с этнической идентичностью. Региональная идентичность не имеет внешних признаков, не обусловлена генетически и способна меняться в течение жизни неограниченное число раз. При этом человек при переезде может оставаться верным малой Родине, либо же идентифицировать себя с новым регионом проживания. Зарубежные исследователи предлагают свои подходы к осознанному и целенаправленному брендингу регионов, который рассматривается ими как инструмент управления процессом региональной идентификации населения. G. Pedeliento и M. Kavartzis, в частности, предлагают основывать брендинг регионов на структурировании, которая обеспечивает взаимосвязи между региональной культурой, идентичностью и имиджем тер-

---

ритории (Pedeliento, Kavartzis, 2019). В брендинге регионов могут участвовать региональные власти, региональные СМИ и известные уроженцы региона. Условиями формирования региональной идентичности выступают: общие цели развития региона, позитивный образ его жителей, имеющий характерные особенности, чувство гордости (Шушарина, 2017).

Еще более спорным вопросом, требующим разрешения и обоснования, является выделение макрорегиональной идентичности. Макрорегиональная идентичность позволяет индивиду определять свою социальность через сопричастность с жителями крупных, исторически сложившихся регионов (Евдокимов, 2019). Макрорегиональный подход в определении идентичности населения позволяет выйти за рамки административных границ, которые часто условны, и в большей степени руководствоваться естественными ландшафтными, географическими, историческими и социокультурными особенностями территорий (Щербаков, 2014). Важной чертой макрорегиона является «отсутствие выраженной макрорегиональной элиты и, соответственно, авторов, ориентированных на формирование макрорегиональной идентичности, последующую ее эксплуатацию в собственных интересах и опосредованно в интересах населения территории» (Щебаков, 2014, с. 203). Процесс самоидентификации с макрорегионом идет более естественно с опорой на исторические и социокультурные предпосылки, также миграции гораздо чаще ограничиваются рамками одного макрорегиона, что позволяет опираться в управлении миграционными процессами на макрорегиональную идентичность. Таким образом, символические границы макрорегионов оказываются подчас существенно более крепкими и незыблемыми, чем отмеченные на карте границы административных регионов, – «они подвержены существенно меньшим изменениям, так как в качестве их базиса выступают география и история, которые неотделимы от данной территории» (Щербаков, 2014, с. 203).

Таким образом, на наш взгляд, оправданным представляется различие трех типов идентичности, входящих в структуру социальной идентичности индивида и дополняющих его государственную гражданскую идентичность, не вступая с ней в противоречия. Человек вполне свободно может чувствовать себя представителем определенного этноса, конкретного региона, где он живет и работает, и макрорегиона, где он родился и который он любит:

– этническая идентичность трактуется как динамичное и многомерное образование, которое характеризует ощущение (имплицитный компонент) и осознание (эксплицитный компонент) человеком себя в качестве члена определенной этнической группы/общности. («Я как представитель этноса»);

– региональная идентичность рассматривается как динамичное и многомерное образование, которое характеризует ощущение (имплицитный компонент) и осознание (эксплицитный компонент) человеком себя в качестве жителя определенного региона. («Я как житель региона»);

– макрорегиональная идентичность рассматривается как динамичное и многомерное образование, которое характеризует ощущение (имплицитный компонент) и осознание (эксплицитный компонент) человеком себя в качестве представителя определенного макрорегионального объединения территорий. («Я как житель макрорегиона»).

При этом о макрорегиональной идентичности следует говорить только в том случае, когда для этого существуют объективные предпосылки. Такими предпосылками являются общность исторического и социокультурного развития нескольких прилегающих друг к другу регионов и наличие топонима, характеризующего макрорегион и закрепившегося в сознании лиц, проживающих на данной территории. Примером та-

---

кого макрорегиона, в контексте которого правомерно говорить о макрорегиональной идентичности, на наш взгляд, является Среднее Поволжье.

Несмотря на то, что в актуальной стратегии пространственного развития России данный регион не выделяется в качестве самостоятельного, а частично включается в состав Волго-Камского и Волго-Уральского макрорегионов¹ (Стратегия пространственного развития РФ, 2019; Преображенский, 2019), существуют исследования, которые подтверждают историческую и социокультурную общность территории, обозначаемой как «Среднее Поволжье» (Цыганова, 2015; Шкунов, 2011; Шарапов, 2010, 2018а, 2018b).

«Поволжье» как термин впервые упоминается во второй половине XIX в. в публицистической и научной литературе, а на рубеже XIX–XX вв. термин «Среднее Поволжье» стал широко распространенным в научном и популярном дискурсе: он включал Симбирскую, Казанскую, Пензенскую, Самарскую губернии (территории современных Ульяновской, Пензенской, Самарской областей, Республики Мордовия, Республики Татарстан, Чувашской Республики) (Цыганова, 2015; Шкунов, 2011). На ментальном уровне жителей данного макрорегиона объединяют образы Волги, сформировавшиеся в исторической памяти российского общества, представления о волжской казачьей вольнице как об оплоте народных мыслей о правде-справедливости (Леонтьева, Цыганова, 2015). В.Н. Шелгунов так говорил о притягательности Волги и волжских ландшафтов как места расселения для людей-представителей разнообразных этносов: «Сюда бежал и здесь селился народ отовсюду, и в России, кажется, нет губерний, где была бы такая смесь всяких людей... Хохлы, русские, татары, немцы; здесь вы найдете и потомков стрельцов, и потомков казаков, и потомков беглых солдат и раскольников» (Шелгунов, 1895, С. 371). На современном этапе Среднее Поволжье (в особенности его сельские области) было также затронуто волнами реэмиграции и репатриации после Второй мировой войны (Мальцев, 2010), что дополнительно обогатило этнический состав.

В настоящее время Среднее Поволжье представляет собой географическую область, прилегающую к среднему течению реки Волга. К Среднему Поволжью относятся Ульяновская, Самарская, Саратовская области, Республики Татарстан и Чувашия. Среднее Поволжье – экономически развитая и плотно заселенная территория, с благоприятным географическим и транспортным расположением. Территория Среднего Поволжья занимает южную часть Приволжского федерального округа. Экономическим и культурным центром макрорегиона традиционно считается г. Самара, однако в последнее время все больше активности, в первую очередь экономической и миграционной, приходится на г. Казань, который перетягивает на себя инициативу и роль макрорегионального центра. Как отмечает В.В. Шарапов, такие народности, как русские, украинцы, чуваша и мордва, проявляют наибольшую территориальную солидарность и ощущают свою территориальную принадлежность к макрорегиону (Шарапов, 2010).

Таким образом, этническая, региональная и макрорегиональная идентичности входят в структуру социальной идентичности современного человека, проживающего в поликультурном пространстве. Эти виды идентичностей в норме не вступают в противоречие ни друг с другом, ни с государственной гражданской идентичностью, а взаимодополняют друг друга. Как отмечают М.В. Назукина и О.Б. Подвинцев, «идентичности – это не застывший набор признаков и свойств индивида или группы, демонстри-

---

¹ Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года (Утверждена Постановлением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 16.05.2024).

рующих его/их самость, а процесс или практика выработки коллективных смыслов, наполняющих значением качества данной самости» (Назукина, Подвинцев, 2013, с. 46). В результате взаимодействия и взаимовлияния этнической, региональной и макрорегиональной идентичности человек в поликультурном пространстве получает больше ориентиров для самоидентификации, позитивного самоотношения, самопонимания и самопринятия. У него формируется целостное представление о себе как о субъекте современного поликультурного и полиэтнического гражданского общества.

Изучаемые виды идентичности в разной степени управляемы, подвержены влиянию. Если процессом этнической идентификации управлять крайне сложно, это скрытый процесс, управляемый прежде всего семьей изнутри, то региональная идентификация и макрорегиональная идентификация населения в большей степени доступны для управления и оказания внешнего воздействия. Более того, формирование позитивной региональной и макрорегиональной идентичности является важным условием для обеспечения заинтересованности лиц разной этнической принадлежности в межэтническом взаимодействии. При отсутствии у них чувства принадлежности к региону и макрорегиону отсутствуют предпосылки для взаимодействия друг с другом, возникает угроза межэтнической разобщенности или напряженности при вынужденном взаимодействии. В контексте макрорегиона общая идентичность может стать инструментом усиления этнической идентичности, когда представители одного этноса, проживающие на территории соседствующих регионов конкретного макрорегиона, начинают более интенсивное взаимодействие.

Литература

- Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве): автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 1993. 26 с.
- Евдокимов Е.А. Этнокультурная идентичность в условиях внешнего миграционного давления (на примере жителей республик Южной Сибири): дис. ... канд. филос. н. Абакан, 2019. 133 с.
- Леонтьева О.Б., Цыганова Я.М. Волга и Поволжье на «Ментальной карте» российского общества XIX – начала XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 4(8). С. 131–139.
- Мальтинникова Н.П. Этнопсихологические особенности формирования родительства в поликультурной среде (на примере казахских, татарских и русских семей): автореф. дис. ... канд. пед. н. Самара, 2005. 28 с.
- Мальцев А.А. Послевоенная реэмиграция населения в Среднее Поволжье (1945–1951 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 6–1. С. 113–115.
- Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского научного центра. 2013. № 4. С. 44–51.
- Преображенский Ю.В. Районирование Урало-Поволжья для целей пространственного планирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2019. № 2 (19). С. 97–103. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-2-97-103>
- Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. № 2 (13). С. 178–180.
- Сидорякин Р.В. Научно-теоретическое обоснование понятия «этническая идентичность» в мировой психологической парадигме // Психология образования в поликультурном пространстве. 2022. № 2 (58). С. 22–34. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-58-2-22-34>
- Цветкова И.В. Типология региональной идентичности населения (на примере Самарской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 2 (54). С. 71–87. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-2-8>
-

-
- Цыганова Я.М. К истории географического наименования «Среднее Поволжье» // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 154–162.
- Шарапов В.В. Национальное сознание и социально-психологические феномены этнического самосознания населения Среднего Поволжья: дис. ... д. псих. наук. Самара, 2018а. 587 с.
- Шарапов В.В. Проблема формирования национального (этно-национального) сознания и этнического самосознания населения Среднего Поволжья на современном этапе развития российского общества // АНИ: педагогика и психология. 2018b. № 2 (23). С. 433–436.
- Шарапов В.В. Генезис этнической идентификации у населения Среднего Поволжья в 1990–2000-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 2. С. 91–97.
- Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб.: О.Н. Попова, 1895. 1098 ст.
- Шкунов В.Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках. Ульяновск: УлГУ, 2011. 200 с.
- Шушарина Г.А. Ценностные номинации региональной идентичности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 7. С. 179–184.
- Щербakov А.Ю. Символические границы макрорегиональной идентичности: Уральский случай // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3. С. 202–206.
- Lewin K. *Resolving social conflicts*. New York: Harper, 1948.
- Pedeliento G., Kavatzis M. Bridging the gap between culture, identity and image: a structurationist conceptualization of place brands and place branding // *Journal of product and brand management*. 2019. Vol. 28 (3). Pp. 348–363. <https://doi.org/10.1108/JPBM-01-2018-1735>
- Social identity and intergroup relations. Ed. by H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations*. Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey: Brooks/Cole, 1979. Pp. 33–48.

References

- Evdokimov, E. A. (2019). *Ethno-cultural identity in the conditions of external migration pressure (on the example of residents of the republics of South Siberia)* [dissertation]. Abakan. (In Russ.)
- Galkina, E. M. (1993). *Ethnic Identity of Adolescents from Ethnic-Mixed Families (on the Materials of Ethnosociological Research in Moscow)* [dissertation abstract]. Moscow. (In Russ.)
- Leontieva, O. B., & Tsyganova, Y. M. (2015). Volga and Volga region on the “Mental map” of the Russian society XIX – early XX century. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskoye nauki”*, (4), 131–139. (In Russ.)
- Lewin, K. (1948). *Resolving social conflicts*. New York: Harper.
- Maltinnikova, N. P. (2005). *Ethnopsychological features of parenting in a multicultural environment (on the example of Kazakh, Tatar and Russian families)* [dissertation abstract]. Samara. (In Russ.)
- Maltsev, A. A. (2010) Postwar re-emigration of the population in the Middle Volga region (1945–1951). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, (6–1), 113–115. (In Russ.)
- Nazukina, M. V., & Podvintsev, O. B. (2013). The Russian Federation as a system and hierarchy of identities. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, (4), 44–51. (In Russ.)
- Pedeliento, G., & Kavatzis, M. (2019). Bridging the gap between culture, identity and image: a structurationist conceptualization of place brands and place branding. *Journal of product and brand management*, 28(3), 348–363. (In Russ.) <https://doi.org/10.1108/JPBM-01-2018-1735>
- Preobrazhenskiy, Yu. V. (2019). Regionization of the Ural-Volga region for the purposes of spatial planning (in Russian). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Nauki o Zemle*, 19(2), 97–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-2-97-103>
- Russkikh, L. V. (2013). Identity: cultural, ethnic, national. *Vestnik YuUrGU. Seriya “Sotsial’no-gumanitarnyye nauki”*, 13(2), 178–180. (In Russ.)
-

-
- Sharapov, V. V. (2010). Genesis of ethnic identification in the population of the Middle Volga region in 1990–2000s. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, (2), 91–97. (In Russ.)
- Sharapov, V. V. (2018a). *National consciousness and socio-psychological phenomena of ethnic self-consciousness of the population of the Middle Volga region* [dissertation abstract]. Samara. (In Russ.)
- Sharapov, V. V. (2018b). The problem of formation of national (ethno-national) consciousness and ethnic self-consciousness of the population of the Middle Volga region at the present stage of development of the Russian society. *ANI: pedagogika i psikhologiya*, (2), 433–436. (In Russ.)
- Shcherbakov, A. Yu. (2014). Symbolic boundaries of macro-regional identity: the Ural case. *Diskurs-Pi*, 2–3, 202–206.
- Shelgunov, N. V. (1985). *Sketches of Russian life*. Saint Petersburg: O. N. Popova. (In Russ.)
- Shkunov, V. N. (2011). *Middle Volga region in the system of foreign trade of the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. (In Russ.)
- Shusharina, G. A. (2017). Value nominations of regional identity. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (7), 179–184. (In Russ.)
- Sidoryakin, R. V. (2022). Scientific and theoretical substantiation of the concept of “ethnic identity” in the world psychological paradigm. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve*, (2), 22–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2022-58-2-22-34>
- Tajfel, H. (Ed.). (1982). *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33–48). Monterey: Brooks/Cole.
- Tsvetkova, I. V. (2020). Typology of regional identity of the population (on the example of the Samara region). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 2, 71–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-2-8>
- Tsyganova, Y. M. (2015). To the history of the geographical name “Middle Volga Region”. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, (11), 154–162. (In Russ.)

Информация об авторах

Шарапов Вячеслав Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета; почтовый адрес: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67; электронная почта: sharapov61@mail.ru

Сидорякин Роман Владимирович, аспирант Самарского государственного социально-педагогического университета; почтовый адрес: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67; электронная почта: sidoryakinrv@gmail.com

---

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Заявление о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи

Поступила в редакцию 1.04.24. Принята к печати 15.04.24.

Information about the authors

Vyacheslav V. Sharapov, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Socio-Pedagogical University; Postal Address: 443099, Samara, 65/67, M. Gorky Street; e-mail: sharapov61@mail.ru

Roman V. Sidoryakin, Post-graduate Student, Samara State Socio-Pedagogical University; Postal Address: 443099, Samara, 65/67, M. Gorky Street; e-mail: si-doryakinrv@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest

The authors declare no conflicts of interests.

Article history

Received 1 April 2024. Accepted 15 April 2024.